

Свою историческую «Хронику», рассказывающую о жизни северной русской деревни непосредственно перед и во время коллективизации, Василий Белов пишет уже давно. Первая часть его романа «Кануны» была опубликована еще в 1972 году. Третья, последняя, — в 1987-м. А в нынешнем марте «Новый мир» напечатал первую часть уже следующей, второй книги цикла — «Год великого перелома».

«Хроника», таким образом, еще не завершена. Тем не менее за семнадцать лет своего постепенного развертывания она вполне успела уже донести до читателя ту главную свою тему, которая на страницах нового романа обозначена так: «После величайшей смуты, унесшей в своем знобщем вихре миллионы жизней, не прошло и десяти лет, а Россия и Украина уже стояли вблизи очередной, не менее страшной трагедии... Пожар народной беды поднимался на юге...»

Не забудем, однако, что эти твердые, жесткие слова лишь теперь, в 1989 году, впервые выразили напрямую то, что и раньше составляло реальный смысл «Хроники», но все же как бы избегало окончательного закрепления в прямых, четких формулах. И это, конечно, знак тех перемен, которые произошли в нашей жизни и сделали то, что ныне взгляд на коллективизацию как на величайшее народное несчастье может быть обозначен уже и в открытую. И, разумеется, не просто обозначен, но и развернут, обоснован. Вот почему слова о народной беде, открывающие роман, и звучат в нем сегодня не столько как некая самодостаточная формула, сколько как исходный тезис, позволяющий ожидать, что в ходе дальнейшего повествования он именно и будет развернут со всей той полнотой, четкостью и определенностью выражения авторской точки зрения, к которым обязывают сегодняшние возможности обсуждения когда-то запретной темы. Как со стороны освещения масштабов и значимости народной трагедии, разигравшейся в 30-х гг., так и со стороны понимания ее истоков, ее реальных причин.

И вот, преисполненные этих естественных ожиданий, вы погружаетесь в чтение. И чем дальше, тем все больше впечатления ваши раздваиваются...

С одной стороны, перед вами книга, в которой есть и сила, и правда, и энергия художественного выражения, хотя это и не значит, что в чисто художественном отношении ей нельзя предъявить серьезные претензии. Нет, «Хронике» достаточно далеко еще до того, чтобы быть шедевром русской прозы, и при более обстоятельном критическом ее разборе можно было бы без особого труда показать и многие слабости ее ненадежно сколоченной, порой просто разваливающейся композиции, и явное преобладание в ней принципа пусть благородной, но все-таки иллюстративности, отчего судьбы персонажей, приобретая преимущественно типажный характер, почти утрачивают для автора тот самозначимый «человековедческий» интерес, который составляет всегда истинный нерв романной прозы. Не случайно ни один из них даже отдаленно не приближается по яркости, рельефности и объемной полноте своего

образа к героям «Привычного дела», до сих пор высшего достижения В. Белова. А если брать такую, скажем, фигуру, как Сталин, то здесь, я думаю, даже самые строгие критики А. Рыбакова признают, что у В. Белова она еще более плосковата. Вообще я заметил бы в скобках (раз уж пришлось к слову), что традиционные для некоторой части нашей критики неумеренные словословия по адресу тех или иных писателей, превращающие их чуть ли не в живых классиков, на мой взгляд, только вредят и им самим, и общему литературному делу, нуждающемуся в действительно вершинных образцах. А их и на целый век случается обычно не так уж много. Можно, конечно, увлекаться и более скромными фигурами, это естественно, но лучше все-таки в любом случае не так уж сильно преувеличивать.

Однако не нужно ничего и преуменьшать. Потому что при всех

Ибо среди тех стариков, что слушают однажды чтение «Апокалипсиса» и горестно обсуждают судьбы деревни, отданной на растерзание «зверю, вышедшему из бездны», есть и тот удивительный дед Никита, один из главных крестьянских героев книги, который кричит и своему сыну Ивану, и свату Даниле, и всем тем, кто «с ружьем в двадцатом годе разался из стороны в сторону» и, дурманом опоенный, «гоголем» ходил «в красной шапке» по деревне, хвастаясь, как «офицеров гусиным шагом» гонял, и кто по церквам языки у колоколов выдирает... «Тьфу на вас, прости меня, Господи... Что, дожили? Докатишься?.. То ли ишшо увидим...»

Да, все это так, и все это оставляет действительно сильное впечатление, все это значительно и серьезно. Однако есть в этой книге и то, что повергает просто в растерянность. Потому что всякий раз, как В. Белов покидает область непосредственно

и отдал им в панике не только мужицкого защитника Бухарина («Пусть они тобой подавятся!»), но и самого мужика, утвердив «грандиозный план невиданного в истории преступления», который за несколько дней непрерывного заседательского «шабаша» («Они торопились, дорвавшись до власти!») сварганила специально созданная для этого «изуверская комиссия» Якова Яковлева... Тем самым «все силы зла» обретают как будто бы более четкие очертания, локализуясь в рамках российской внутрипартийной борьбы под именем «троцкистов». Но почему тогда, скажите, в пределах все той же клубящейся туманности с «мировым злом» в центре оказываются вдруг и англичане, которые, выясняется, как раз и обещали победу красным, не прислав Колчаку обещанных патронов, ибо им красные были в ту пору нужнее? Ведь «мировому злу» абсолютно все равно, каким флагом потчевать

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ. ЧТО ПРОИЗОШЛО

Рубрику ведет
Игорь Виноградов

го изображения народной беды и в его повествовании появляются мотивы, призванные звучать как будто бы тем или иным объяснением всей этой чудовищной катастрофы, сломавшей хребет русскому крестьянству, а с ним едва ли и не всему русскому народу (хотя и не только русскому), — всякий раз у вас возникает ощущение, что вы идете уже не прежним тяжким, суровым, горьким, но прямым и верным путем, а вслед за автором, который отнюдь не стремится теперь почему-то к какой-либо внятности своих путеводительных указаний, все время оказываетесь на каких-то странных смысловых перепутьях, окутанных туманом нарочитых в своей уклончивости многозначительных недоговорок, загадочных полунамеков и ускользающих в своей семантической невнятности метафор. Так, например, вы без труда сумеете обнаружить в центре всей этой клубящейся смысловой туманности загадочный призрак некоего «мирового зла» — того самого зла, все силы которого, как пишет автор, и ополчились, казалось, на русскую землю через десять лет после прежней великой смуты... Но что же это за «мировое зло»? Может быть, просто некий обобщенный художественный образ, не претендующий на какое-либо реальное прочтение? Но тогда как надо понимать многозначительные слова автора о том, что именно им, силам этого зла, «угрюмый генсек» и «швырнул под ноги сто миллионов крестьянских судеб», ибо «за все надо было платить», тем более за неожиданно подвернувшуюся «мономоху шапку»?.. Из дальнейшего, правда, следует, что Сталин, как изображает его В. Белов, оказался своего рода заложником в руках сплоченной банды замаскированных недобитых троцкистов, равныххосудобитье свои «анти-мушкетерские» идеи. Они шантажировали генсека угрозой разоблачения его былых связей с охранкой, вот он

обманутых» — лишь бы простые русские люди истребляли друг друга и в результате к власти в России пришли те, с кем она окончательно окажется «на пути самоуничтожения»... Так объясняет ситуацию алчущему истины бывшему помещику Прозорову едва ли не самый близкий автору персонаж романа доктор Преображенский, «необычайно ясные» суждения которого с демонстрационной неслучайностью выдержаны в стиле собственной авторской символики и абсолютно органично включаются в ее контекст. А потом он же, доктор, разъясняет Прозорову (и нам) еще и то, что борьба, которую ведут против России те, кто сейчас правит ею, это, оказывается, «борьба отнюдь не классовая», но «скорее национальная, а может, и религиозная»... И прозревающий Прозоров с ужасом спрашивает себя: «Но кто дирижирует всей этой свистопляской? Кто покорил страну?.. Неужто опять, неужто новое иго?..»

И вот тут уже я хочу задать прямой вопрос самому В. Белову: действительно — кто? И если в самом деле опять иго, то чье? Ответьте прямо: нужно ли все это понимать так, что автор «Хроники» придерживается той самой концепции, которая не раз уже высказывалась в общих чертах критиками и публицистами журналов, к которым он, как все мы знаем, близок? Той самой концепции, согласно которой «мировое зло» реализует себя через существование некоего тайного всемирного жидо-масонского заговора, участвующие в котором могущественные силы фактически дирижируют мировым процессом, и они-то, поставив перед собой одной из главных целей уничтожение России как оплота христианской культуры, как раз и сыграли роль той главной тайной пружины, что ввергла нашу страну в пучину бедствий и в 1917 г., и во время коллективизации... Прошу заметить: я вовсе не утверждаю, что В. Белов именно так и думает.

И даже вообще отказываюсь заранее что-либо на этот счет утверждать. Потому что, когда сам автор намеренно уходит от ясности, разгадывание его ребусов превращается в занятие, в чем-то сходное с чтением в сердцах. А это уже дело не для литературного критика. Это уже другая профессия. Вот почему, задавая свой вопрос, я имею в виду только то прочтение позиции В. Белова, которое наверняка первым придет в голову читателю (раз уж Белов сам толкает его, уходя от прямого объяснения, к догадкам). Потому что, согласитесь, при всей ускользающей размытости тех туманных смысловых образов, которыми прикрито в «Хронике» ее загадочное концептуальное ядро, общие контуры этой туманности все-таки слишком легко совмещаются с контурами названной схемы, особенно если учесть, что уяснить национальность лиц, которых В. Белов называет в качестве главных инициаторов коллективизации, давно уже не требуется: все они — от Троцкого до Кагановича и от Яковлева до Каминского — давно уже «разъяснены» многочисленными энтузиастами. Вот почему я и спрашиваю, именно спрашиваю: верны ли будут такие догадки? Если нет, то каковы же действительные позиции автора? А если верны, то почему автор так упорно избегает заявить свою точку зрения в открытую и со всей необходимой обстоятельностью? Ведь если это истина, в которую он действительно верит и которой мучается, он просто не имеет права скрывать ее от всех тех, кто, право же, не меньше его ранен судьбой своей страны и своего народа! Перед лицом этого самого народа, о трагедии которого он пишет так, что невозможно не верить в искренность его боли, он просто обязан высказаться напрямую — так же, как обязаны выслушать его и перед лицом народа самым внимательнейшим и добросовестнейшим образом разобрать все его аргументы даже те, кто подобно мне считает концепцию жидо-масонского заговора (если только В. Белов ее действительно разделяет) чудовищной нелепостью, продуктом сознания, помраченного доверчиво принятой ложью, а потому и выпавшего из традиций той самой — действительно высокой и истинной — русской культуры, принадлежащим к которой оно продолжает себя считать...

И я готов ругаться — выслушаем. И выслушаем очень серьезно. Объяснитесь же наконец до конца — чего вам страшиться? Гласность наша все сегодня допустит, а истина — если она истина — не может бояться света. Света общественного внимания и обсуждения может бояться только концепция, сама не верящая в свою истинность. Но тогда к чему и принимать на себя тяжкую обязанность быть русским писателем? Так ведь можно ненароком оказаться в невольных подрачных у того самого «зверя, вышедшего из бездны», у того дьявольского зла, которое и до сих пор чувствует себя в наших краях так вольготно, что поистине возопишь иной раз вослед деду Никите: Господи! Спаси и помилуй и народ наш, и всю страну нашу, и всех нас грешных! Вразуми нас, дабы были прямы и чисты пути наши, и свет Твой и во тьме нашей светил нам и вел за собой!..